

Крестный путь

ВСТУПЛЕНИЕ

В этом вступлении к повествованию о моих родителях отдаю дань памяти родоначальникам и родным со стороны отца. О родных мамы будет сказано ниже.

Заглянуть в прошлое подсказали мне следующие соображения: кто-то из оставшихся в нашем поколении должен постараться закрепить в истории родной страны память о прекрасных, высокообразованных людях, тем более, что многие из них подверглись без вины уничтожению или преследованию.

Мой прадед со стороны отца – Егор Богданович Евангулов – Потомственный Почётный гражданин города Тифлиса (из армянского поселения), владелец магазинов (ковров и антиквариата) в Тифлисе и Санкт-Петербурге.

На старинной фотографии – человек с седыми усами и остроконечной бородкой, в спортуке, с высоким накрахмаленным воротничком, смотрит на нас с добротой и мудростью. А на обороте карточки красивым шрифтом напечатано, что сделана она в Санкт-Петербурге на Невском проспекте на углу Садовой у Ю.Штейнберга. И карандашная надпись: «Дорогой невестке Елизавете Еф. 1894 г. 21 Января» – моей бабушке.

С 1866 года у Егора Богдановича появились с интервалом в два года шестеро сыновей и две дочери.

Павел Георгиевич (Егорович) Евангулов – мой дед и одновременно крестный отец – был первенцем.

Облик дедушки, как и остальных его братьев, ясно представляется мне по собственному восприятию и по воспоминаниям близких. Душевной щедростью, высокой нравственностью и образованностью они достойно представляли ту часть интеллигенции, каковой славилась Россия XIX – начала XX веков.

Невысокого роста, крепкий, подвижный, дедушка по утрам неизменно занимался гимнастикой с гириями. В его одежде, даже в трудные периоды, были обязательны крахмальные белоснежные манжеты и воротничок, подчёркивавший благообразие слегка горбоносого, с усиками и бородкой, лица. Постоянно напевал на ходу нечто бодрое, но порой «...Восстань, Пророк, и виждь, и внемли...» – разносилось по комнатам достаточно отчётливо, или – «В крови горит огонь желанья, душа тобой уязвлена...». Но более всего дедушка поражал своей начитанностью, чему способствовала объёмистая семейная библиотека, и памятью – читал, помню, наизусть монолог «Скупого рыцаря», а речь свою оснащал цитатами из классики. Другим его любимым занятием были карандашные меткие шаржи на друзей и знакомых.

Пописывал дедуля и сатирические стишки и пародии, вроде:

Широка страна моя родная,
ты нашла на север дальний путь,
я другой такой страны не знаю,
где нельзя ни охнуть, ни вздохнуть,

незвизрая на предупреждения перепуганных домочадцев – ведь уже надвигались 30-е годы! Надо было быть осмелительными в шутках и разговорах.

Будучи по образованию и профессии бухгалтером, дед занимал до октябрьского переворота 1917 года и после него должностные посты в банках С.-Петербурга, Москвы и других городов России.

Богдасар Георгиевич Евангулов, инженер-электрик, до 1917 года жил в Риге и занимал пост товарища министра (по министерству телеграфа и телефона), после 1917-го переехал в Петроград. Незадолго до революции Богдасару Георгиевичу было пожаловано дворянское звание за большие заслуги по части промышленности и изобретательства.

В 1919 году Богдасар Георгиевич по обвинению в «саботаже производства» был арестован советскими властями и заключен в «Кресты», а его жена, Александра Михайловна, и

две дочери (Лидия и Вера), отправлены в тюрьму на Шпалерной улице, а затем в Петроградские лагеря принудительных работ (младшая оказалась в приёмнике для несовершеннолетних). Через год, правда, Богдасар Георгиевич и вся семья были освобождены. Однако ещё через год он снова был арестован и освобождён только в 1923 году. В 1931 году Богдасар Георгиевич был вновь арестован и выслан на 3 года в Казахстан, где и умер. Причём из семейной хроники известно, что в ночь его смерти за ним пришли сотрудники ОГПУ для того, чтобы арестовать в очередной раз *(сведения о Б.Г.Евангулове мною почерпнуты из записок, составленных дочерью Георгия Георгиевича – Еленой Георгиевной Евангуловой (Коноплясовой)).*

Уделю несколько слов сыну дяди Бади – Борису Богдасаровичу Евангулову. Достаточно намыкавшись в юношестве, он всё же сумел в 1930-х годах окончить Ленинградский Горный институт и добровольно направился на горнорудные разработки в Магадан. Туда же немного погодя прибыл его, а следовательно, и папин двоюродный брат Георгий Амбарцумович Кечек, сын дедушкиной сестры Юлии Георгиевны и Амбарцума Серафимовича Кечека, главного хирурга Эриванской больницы, живших в Эривани. Вторая дедушкина сестра, Евгения Георгиевна, в 1918-м эмигрировала с мужем Н.М.Тер-Микеловым, горным инженером, и тремя детьми во Францию.

По прошествии ещё нескольких лет Борис Богдасарович с семьёй вернулся в Ленинград и вскоре стал заведующим кафедрой экономики геологоразведочных работ Горного института, а затем получил профессорское звание. Талантливый, блестящий остроумием человек, он скоропостижно скончался от рака.

Старший брат Георгия Амбарцумовича Кечека – Антик (Александр Амбарцумович), самый мягкий и отзывчивый в семье, окончив Политехнический институт в Тифлисе, был выдающимся молодым инженером – в 35-летнем возрасте занимал должность директора «Азнефти». В июле 1937-го был арестован и 11 октября 1937-го выездной сессией ВК ВС СССР приговорён к расстрелу.

Возвращаясь к остальным четырём братьям дедушки. Михаил Георгиевич Евангулов. В Большой Советской Энциклопедии о нём приводятся сведения: «В 1894 г. окончил Петербургский Технологический институт. С 1900 г. – преподаватель, с 1914 по 1942 профессор того же ин-та. Один из первых начал заниматься металлографией, распространяя и развивая идеи Д.К.Чернова» *(БСЭ. – 1958. Т. 1С. 329.)*.

Некоторые подробности об этом прекрасном человеке и его семье освещены во второй части повести.

Умер дядя Миша (мой двоюродный дедушка) в блокадном Ленинграде 15 февраля 1942 года, через три дня после моей эвакуации из Ленинграда.

Георгий Георгиевич и Яков Георгиевич Евангуловы были очень дружны, долгое время жили вместе и проработали инженерами бок о бок 35 лет. Сначала в Акционерном обществе «Сименс и Гальске», а после революции – во вновь образованном Тресте «Связьсигналпроект» в качестве почти единственных специалистов на всю Россию по механической сигнализации железных дорог. После ухода в 1932 году Георгия Георгиевича на пенсию, Яков Георгиевич оставался основным специалистом в этой области даже после замены механической сигнализации на электрическую.

Внешне эти братья были более схожи друг с другом, нежели с остальными: чуть смугловатые, черноглазые брюнеты, традиционно с маленькими усиками, а дядя Жорж ещё и с бородкой. В соответствии с семейными генами – прекраснотушны, большие каламбурчики, широко образованы, особенно дядя Яша, бесконечно преданные своей работе.

В конце 1941 года Георгий Георгиевич умер от голода в блокадном Ленинграде.

Из записок Е.Г.Коноплясовой-Евангуловой:

«...Перед войной, летом 1914 года мы жили на даче на ст. Графская по Финляндской ж.д. (теперь ст. Песочная). По воскресеньям приезжал дядя Яша, и мы – я и брат Коля – шли с ним гулять в лес. Обожая природу, он восхищался каждой полянкой, каждым ручейком – и так мало, и так редко он её видел [...]. Дядя Яша нас баловал – бывало, наступит Рождество, он говорит: «Подумайте, какие книги вам бы хотелось приобрести, и идёте в Гостинный Двор, в магазин Девриена. – А там на прилавках выкладывались целые стопы книг, например, издания «Золотая библиотека» Де-Амичиса – Берите столько, сколько сможем донести». Он писал стихи, к сожалению, у меня сохранились немногие».

Но, слава Богу, сохранились же! Вот, хотя бы одно из них:

1. Не впадай в унынье, не греши!
Не губи сокровища души.
2. Если горько, тяжело тебе,
Ты борись наперекор судьбе.
3. Исполни любви святой завет
И познаешь жизни смысл и свет.
4. Много в жизни бедствий и тревог,
Много тёмных гибельных дорог,
5. И скользит неверный, слабый шаг,
Но жизнь - благо, высшее из благ!
6. Вот дойдёшь ты до предела дней,
Перед вечным мраком взор ясней:
7. Ты увидишь, люди хороши,
И нужны страданья для души...
8. Ты увидишь, главное – любовь!
И захочешь жизнь прожить ты вновь –
9. Жить ещё, ещё, один хоть миг! –
Будет твой предсмертный скорбный крик...
10. Так пока живёшь – живи, дыши,
Не впадай в унынье, не греши!

Казалось, что лирико-философский настрой куплетов не соотносится с добродушным и блестящим остроумием нравом Якова Георгиевича. Впрочем, он пописывал и шуточные – хоть и изысканные, но не совсем цензурные экспромты.

Однако предчувствие страшной судьбы преследовало в те годы многих представителей интеллигенции, не пожелавших покинуть Россию в дни братоубийственной гражданской войны. Вскоре эти предчувствия стали сбываться.

В первый раз Якова Георгиевича арестовали в конце 1920-х годов, предъявив обвинение во «вредительстве». Каким-то образом стало известно – даже я помню семейные восторги по поводу того, как на суде (или допросе?), в ответ на бездоказательное обвинение, Яков Георгиевич, со свойственными ему экспрессией и юмором, воскликнул:

–Что-о?! Я - вредитель?! Да Вы просто идиот, или сумасшедший!

Во всяком случае, дядя Яша живым и здоровым вернулся домой.

Когда Яков Георгиевич работал старшим инженером «Сигнальсвязьпроекта» НКПС, его арестовали вновь. Со слов Елены Георгиевны, «в июне 1937 года... дядя Яша так и погиб. Сперва в окошко принимали передачу, а потом сказали, что отправлен. Больше мы о нём ничего не слышали». *(Арестован 4 июня 1937 года в Ленинграде по обвинению в шпионаже (японская диверсионно-шпионская группа). Постановлением комиссии НКВД и прокурора СССР от 12 января 1938 года приговорён к высшей мере наказания. 18 января 1938-го расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1960-го.)*

(Продолжение в следующем номере).